

Наталья Гализина

Тени минувшего

18+

Наталья Гализина

Тени минувшего

<https://litres.ru/73899006>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела просто собирать травы. А оказалась в плену у того, кого боялась и желала одновременно.

Прошло десять лет.

Зефира, младшая сестра воительницы Линги, всегда жила тихой жизнью целительницы. Она не искала приключений, не мечтала о подвигах — только о мирном небе над головой и свежих травах в корзине. Но однажды её похищает Рагнар — глава клана ящеров, тот самый, который десять лет назад захватил Лингу на поле боя. Он ждал десять лет. Он не получил её сестру. Теперь он хочет её.

Зефира становится пленницей в мире, где правят клыки и чешуя, где каждый взгляд — испытание, а каждое прикосновение — граница между страхом и неведомой, пугающей, влекущей силой.

Но не она одна оказывается на перепутье.

Торин, сын Тайры, узнаёт что его настоящий отец — ящер.

Прошлое не уходит. Оно ждёт в тени. И каждая новая судьба плетётся из старых нитей — долга, чести, любви и ненависти.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Тени минувшего

Глава

КНИГА ВТОРАЯ

Часть первая. КОРНИ.

Глава 1. Разговор у очага

Зефира вошла в дом родителей, когда два солнца уже клонились к закату, окрашивая небо в густые фиолетовые и розовые тона. Длинные тени от деревьев тянулись через двор, и ветер, пахнувший сухими травами и нагретой за день землёй, тихо шелестел листвой за окном.

Внутри было тепло. Очаг, сложенный из тёмного камня, всё ещё горел, хотя вечерняя готовка давно закончилась. Над огнём висел пустой котёл, и в его чёрных боках отражались пляшущие языки пламени. На полках вдоль стен стояли глиняные горшки с травами, кореньями, мазями — целое царство запахов, которые Зефира знала с детства. Мята, зверобой, тысячелистник, что-то сладкое, что-то горькое, что-то терпкое, от чего щипало в носу.

Её мать, Мелинда, сидела за столом, перебирая сухие цветы, и её пальцы, тонкие, быстрые, двигались с той лёгкостью, которая приходит только после десятилетий работы.

Эрик сидел у окна, на низкой скамье, положив на колени старый меч. Он чинил его — точил лезвие, подтягивал ре-

мешки на рукояти. Его руки, тяжёлые, мозолистые, покрытые шрамами, двигались с удивительной нежностью, словно он ласкал не оружие, а живое существо. Золотая змея в его волосах блестела в свете угасающего дня, и в этом блеске было что-то от прежнего величия, от тех времён, когда он был не просто главой клана, а молодым воином, готовым свернуть горы.

Зефира стояла на пороге, прислонившись плечом к косяку, и смотрела на них. Отец и мать. Два человека, которые прожили вместе больше тридцати лет, вырастили троих детей и сейчас наслаждались внуками. Она видела их каждый день, но сегодня почему-то смотрела иначе. Сегодня она хотела понять, что держит их вместе. Что заставило их выбрать друг друга.

— Мам, — сказала она, отрываясь от двери и проходя к очагу. — Расскажи, как вы с отцом познакомились.

Мелинда подняла голову. Её тёмные волосы были заплетены в толстую косу, перекинутую через плечо. Белая капля тики на лбу блеснула в свете огня, и в этом блеске Зефира увидела ту женщину, которой её мать была когда-то — молодую, красивую, смелую.

— С чего вдруг? — спросила Мелинда, но в её голосе не было удивления. Только лёгкая, едва уловимая усмешка.

— Просто хочу знать, — ответила Зефира, сядя на лавку у очага. Она поджала под себя ноги, обхватила колени руками. — Вы никогда не рассказывали нам. Я знаю только то,

что все знают. Что ты спасла папу и всё.

Эрик отложил меч. Он посмотрел на жену, и в его глазах, обычно суровых, почти неприступных, мелькнуло что-то тёплое. Что-то такое, что Зефира видела не часто — только когда мать смеялась, или когда отец смотрел на внуков.

— Я тогда чуть не умер, — сказал он. — Да и она меня спасла.

Мелинда усмехнулась, не поднимая глаз от трав.

— Не преувеличивай.

— Я не преувеличиваю, — возразил Эрик. — Помнишь ту рану? Я думал, конец.

— Ты всегда думаешь, что конец, — парировала Мелинда. — Каждый раз, когда даже просто чихаешь.

Зефира рассмеялась.

— Ладно, — сказала Мелинда, откладывая цветы. — Садись поближе. Расскажу.

Зефира подвинулась. Огонь в очаге тихонько потрескивал, и в этом звуке было что-то убаюкивающее, домашнее, обещающее покой.

— Это было утром, — начала Мелинда. — Два солнца уже высоко поднялись в небе.

Она помолчала, глядя на огонь, и Зефира поняла — мать видит не пламя, а то утро, много лет назад.

— Вдруг слышу — топот. Крики. Выглянула наружу и вижу: скачут воины. На кортунах. А на одном из них, весь в крови, лежал без сознания твой отец.

— Я был неосторожен, — уточнил Эрик. — Меня ранил трек.

Он помолчал, и Зефира заметила, как его лицо стало жёстче — не от боли, а от воспоминания о той глупости, которую он совершил в молодости.

— Трек — это огромный зверь, вы же знаете? — спросил он

— Мы-то знаем, — ответила Мелинда, и в её голосе слышались весёлые нотки.

— Он выше любого кортуна, с толстой, грубой шкурой, которую не всякое копьё пробьёт, — продолжал Эрик. — Два длинных, острых рога торчат вперёд — каждый с добрый меч длиной. А хвост... хвост у него как дубина: один удар — и кости переломаны. Мы охотились на него, но я погнался за ним один, не дожидаясь остальных. Думал, справлюсь. Он поднялся на дыбы, ударил хвостом — и меня отбросило на камни. Я был оглушён от удара, и вот тогда одним из рогов он и распорол меня... — он покачал головой. — Очнулся уже на кровати в комнате твоей матери.

— Мясо трека, кстати, очень вкусное, — добавил он. — Вы же его ели не раз. Но охотиться на него лучше всем кланом.

Зефира слушала, затаив дыхание. Она ела мясо трека много раз, но никогда не думала, что это животное когда-то едва не убило её отца.

— Молодой был, горячий, самоуверенный, — сказал

Эрик, качая головой. — В итоге чуть не умер. Не на поле боя — на охоте.

В его глазах мелькнула тень бывшего стыда.

Мелинда продолжала:

— Они привезли его к нашему дому. Кричали: «Глава ранен! Где целительница?» Я стояла возле двери.

Она замолчала. Её пальцы, лежавшие на столе, дрогнули.

— Он был весь в крови. Воин держал его за плечи, чтобы не упал. Я посмотрела на рану — глубокую, от бока до поясницы. И поняла: если не сделать что-то сейчас, он умрёт. Я сказала: «Перенесите его в дом. И оставьте нас». Воины слушались беспрекословно, они понимали, что ситуация серьёзная. До своего поселения они не успели бы его довести, чтобы там их целители смогли одним движением руки затянуть любую рану, как ты, — Мелинда глянула на дочь и продолжала. — Он бы просто истёк кровью.

— Так как твой отец был без сознания, — Мелинда продолжала, и в её глазах мелькнула загадочная улыбка, — я дала ему обезболивающее рот в рот. По-другому не получалось. Рана была очень глубокой. Я работала несколько часов. Зашивала, промывала, прижигала. У меня всё получилось. Через несколько часов он пришёл в себя.

— И что ты сказал? — спросила Зефира у отца.

Эрик усмехнулся.

— Я спросил: «Кто ты?» А она ответила: «Та, кто тебя спас. Замолчи и не мешай».

Зефира расхохоталась.

— Никто не смел так со мной разговаривать, — сказал Эрик. — А она посмела.

— И ты влюбился?

— Да, — Эрик усмехнулся.

Мелинда покачала головой.

— Он долго не оставался у нас. Как только смог встать, сразу уехал со своими воинами. Но перед этим посмотрел на меня и сказал: «Я вернусь». И ускакал.

— И? — спросила Зефира.

— Я вернулся, — ответил отец, и в его голосе зазвучала гордость. — Со сватами и подарками. Твоя мать не сопротивлялась. Я же красавец, — он довольно улыбнулся, — разве она смогла бы мне отказать?

Мелинда шутливо стукнула его по плечу.

Зефира смотрела на родителей, и в её груди разливалось тепло. Она знала эту историю, но не в таких подробностях, никогда не слышала её так — из первых уст, с паузами, с вздохами, с теми мелкими деталями, которые делают прошлое живым. Она видела, что родители очень счастливы. Они любят друг друга.

Мелинда подошла к дочери, обняла её, прижала к себе. От неё пахло травами — теми самыми, которые она перебирала, — и ещё чем-то родным, уютным, что Зефира не могла назвать, но чувствовала кожей.

— Ты тоже когда-нибудь встретишь свою любовь, — ска-

зала Мелинда. — Так же, как твоя сестра и брат.

— Я понимаю, — прошептала Зефира.

Они посидели ещё немного, глядя на огонь. Эрик вернулся к своему мечу, Мелинда — к травам. Зефира смотрела на них и думала о том, что её сестра уже нашла своё счастье в замке дракона. Тристан тоже. А она? Она пока ещё нет.

Но сердце подсказывало — что-то скоро изменится.

— А жемчужина? — спросила Зефира, когда тишина затянулась. — Откуда она взялась?

Эрик поднял голову. Меч замер в его руках. Он посмотрел на жену, потом на дочь, и в его глазах мелькнуло что-то — не грусть, не боль, а скорее светлая, далёкая память.

— Жемчужина... — повторил он. — Это старая история. Очень старая.

— Расскажи, — попросила Зефира.

Эрик отложил меч, откинулся на спинку стула и посмотрел в окно, туда, где за горами уже угасал последний свет

Они не знали, что за окном, в тени старого дерева, стоял Торин и слушал.

Он возвращался с вечерней прогулки, когда голос Эрика, донёсшийся сквозь приоткрытое окно, заставил его остановиться. Он говорил о жемчужине. Торин знал: благодаря этому артефакту ящеры не нападают на их земли уже много столетий. Но откуда она взялась — никто никогда не рассказывал. Он и сам не спрашивал — не до того было, да и каза-

лось, что это неважно. А сейчас тайна сама плыла в его руки.

Он прижался спиной к шершавому стволу, боясь даже дышать, чтобы не выдать себя. В груди колотилось сердце — не от страха быть пойманным, от предвкушения. Сейчас он узнает, откуда взялась эта жемчужина Великого моря, и будет хвастаться перед сестрой, которая считает себя очень умной, читая разные книжки.

— Давно, — начал Эрик, — задолго до того, как я родился, задолго до того, как родился мой отец, жил один воин. Его звали Велер. Он был целителем нашего клана.

— Однажды, — продолжал он, — Велер отправился к Великому морю. Он хотел не только увидеть мир, но и укрепить свою внутреннюю силу. Говорили, что возле Великого моря сам воздух пропитан древней магией. Достаточно провести там несколько дней, дыша солёным ветром, и воин становился сильнее, а его дух — крепче.

Зефира слушала, затаив дыхание. Огонь в очаге тихонько потрескивал, и в этом звуке было что-то древнее, как сама эта история.

— Он ехал на кортуне несколько дней, — сказал Эрик. — Пересёк горы, леса, долины. И когда, наконец, вышел к берегу, то увидел женщину, лежащую на песке. Её тело было синим, как морская глубина, волосы — серебряными, как лунный свет. Она была сильно ранена, из раны на боку хлынула голубая кровь.

— Это была Морская дева? — спросила Зефира. Она слышала о них от старейшин.

— Да, — ответил Эрик. — Дух моря. Морская дева, как их называют в старых легендах. Она лежала на песке, бледная, обессиленная, с глубокой раной на боку, без сознания. Он спас её своей внутренней силой. Провёл рукой — и рана затянулась. Ты же знаешь: у кого-то из нас синее пламя — это воины. А другие, как ты, могут использовать свою внутреннюю энергию иначе. Синим пламенем, ты не владеешь, как Линга. Ты родилась целителем.

— Я знаю, — сказала Зефира. — А потом? — спросила она.

— Она очнулась, — сказал Эрик. — Посмотрела на него и сказала: «Ты спас меня. Я отблагодарю тебя за это». И она протянула ему жемчужину — белую, переливающуюся, тёплую, как живое сердце.

— «Эта жемчужина будет защищать твой клан. Я знаю, что ящеры нападают на вас каждые двадцать лет, — продолжал Эрик. — Она запоёт, если легонько стукнуть её, когда они приблизятся. И ящеры, чьи тела не выносят её песни, будут бежать. Если успеют — её песня разорвёт им внутренности».

— Велер вернулся домой. Жемчужина хранилась в нашем клане с тех пор, защищая нас от ящеров.

— Пап, а что будет с Торингом? — голос Зефиры дрогнул. — Он же ящер, хоть и не знает об этом. Если запоёт жемчу-

жина, он не погибнет?

Торин, стоявший под старым деревом за окном, замер. То, что он только что услышал, повергло его в шок — такой глубокий, что на мгновение мир вокруг потерял краски. Рука, которой он касался шершавого ствола, застыла, пальцы впились в кору.

— Это должна знать Тайра, — ответил Эрик. — Насколько сильно она погасила его сущность. Но я бы не стал брать его с собой, когда придётся использовать жемчужину — на всякий случай. — Он помолчал. — Но до этого ещё лет десять. Так что потом решим, если надо будет.

Торин медленно отступил от дерева. Его ноги стали ватными, но он заставил себя идти. Не к дому, куда он направлялся, а прочь — в другую сторону, где никого не было, где можно было остаться одному.

Он брёл по окраине посёлка. Уже темнело. Два солнца ушли за горизонт, и на небе зажглись первые звёзды. Люди расходились по домам. Он дошёл до старого дерева на краю поселения, сел под ним, прислонившись спиной к шершавому стволу, и закрыл глаза.

В голове шумело. Мысли путались, натыкались друг на друга, разбегались и снова сходились в один тугой узел.

«Значит, Тристан не мой родной отец. Мой отец — ящер. Вот почему мне иногда снились такие странные сны. Вот зачем я пью каждое утро это лекарство — не потому, что у меня слабое здоровье, а чтобы скрыть то, кто я есть на

самом деле».

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

«В двенадцать лет они принимают свою истинную форму. Мне через месяц будет двенадцать. Если я перестану пить то, что даёт мне мать... я превращусь в зверя?»

Торин закрыл глаза и представил. Чешуя, тускло-зелёная, как болотная тина, покрывает его руки, лицо, шею. Когти — длинные, чёрные, острые — вырастают вместо ногтей. Хвост, тяжёлый, чешуйчатый, бьёт по земле, оставляя борозды. А глаза... его серые глаза, в которых мать всегда видела себя, становятся жёлтыми, с вертикальными зрачками — глаза хищника, глаза врага.

Сейчас он был другим. Русые волосы, мягкие, непослушные, вечно лезут в глаза. Серые глаза — спокойные, немного грустные, как у Тристана, — так что он вполне сходил за его сына. Лицом он пошёл в мать: тонкие черты, чуть заметные веснушки на переносице. Никто, глядя на него, не сказал бы, что в его жилах течёт кровь ящера. Он был похож на обычного мальчишку — разве что ростом выше сверстников и плечами шире.

Но если он перестанет пить зелье, если правда выйдет наружу, всё изменится. Соседи, которые сейчас улыбаются ему, хлопают по плечу, угощают лепёшками, достанут жемчужину или сожгут его синим пламенем. Они будут смотреть на него не как на Торина, сына Тайры и Тристана, брата Линны и Дарена. Они будут смотреть на него как на врага. Как на

ящера. Как на то, что нужно уничтожить.

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Я не хочу быть чудовищем, — прошептал он в темноту.

О том, что он узнал, он решил сейчас не говорить никому. Торин решил пока принимать лекарство. А дальше будет видно.

За окнами домов зажигались огни. Кто-то звал детей ужинать. Где-то смеялись. А Торин сидел под деревом, сжимая в руке горсть земли, и смотрел на звёзды. Чужие звёзды. Свои звёзды. Он уже не знал, какие из них какие.

Мелинда взяла Эрика за руку. Он сжал её пальцы, и в этом жесте было столько любви, что Зефира почувствовала, как слёзы подступают к глазам — от радости за родителей.

Зефира смотрела на отца и впервые понимала, что он не просто вождь, не просто воин. Он — хранитель. Хранитель памяти, хранитель клана, хранитель той самой жемчужины, которая не раз спасала их клан от ящеров. Но последние пятьсот лет ни один ящер не приближался к их поселению — они знали, что у них есть жемчужина, и не рисковали.

И только Кассиан предал свой клан и был казнён. Но о нём после того никто никогда не вспоминал. Он навсегда исчез из памяти людей клана Змей.

Зефира встала, подошла к отцу, обняла его. Он был твёрдым, как камень, и в то же время тёплым, как очаг.

— Спокойной ночи, — сказала она.

— Спокойной ночи, — ответил он.

— Спокойной ночи, моя девочка, — сказала Мелинда и поцеловала Зефиру в щёку.

Она вышла из комнаты, но на пороге остановилась и обернулась.

— Отец?

— Да?

— Получается, Морская дева действительно существует? Эрик улыбнулся. Впервые за весь вечер — по-настоящему, тепло, почти мальчишески.

— Да, — сказал он. — Иначе жемчужина не пела бы.

Зефира кивнула и вышла.

А за окном уже поднимались две луны, и в их свете ей почудилось, что на горизонте, далеко-далеко, плещется море. И кто-то поёт. Тихо, едва слышно. Как жемчужина. Как древняя Морская дева.

Глава 2. Десять лет спустя.

Дом на окраине поселения клана Змей утопал в зелени. Два солнца уже поднялись высоко, заливая двор золотистым светом, и Тайра стояла на крыльце, глядя, как её дети возятся у старого дерева.

Линна, восьмилетняя, сидела на траве с книгой в руках — она научилась читать раньше, чем ходить, и теперь никто не мог оторвать её от страниц. Тёмные волосы, заплетённые в тугую косу, спадали на плечи, и в её серых глазах, таких же,

как у отца, светилась какая-то древняя, недетская мудрость. Она была спокойной, рассудительной, любила помогать матери с травами и терпеть не могла, когда братья шумели.

Но главным её даром было исцеление — тот самый дар, который передавался в клане Змей через кровь. Она унаследовала его через отца, Тристана. Дар не был пока таким сильным, как у тётки Зефиры, но он был. Линна могла затягивать небольшие раны. Тайра заметила это, когда девочке было всего пять лет. Линна случайно порезала руку, и рана затянулась сама собой — не за несколько дней, а за несколько мгновений. Тристан тогда обнял дочь и сказал: «Значит, ты будешь тоже целительницей, как твоя тётя Зефира».

Сама Линна не придавала этому значения. Для неё это было так же естественно, как дышать или видеть сны. Она не хвасталась, не показывала, просто делала то, что должна, когда кто-то рядом нуждался в помощи. Но в глубине души она знала: этот дар — её сила.

Дарен, пятилетний, носился по двору с деревянным мечом, изображая воина. Он был шустрым, весёлым, с вечно разбитыми коленками и улыбкой, которая сводила с ума всю семью. Его тёмные волосы, такие же, как у Тайры, торчали в разные стороны, а тёмные глаза горели озорством. Тайра каждый день вздыхала, глядя на него: «Ну когда ты научишься сидеть смирно?» Дарен обещал, но не учился.

Но самым удивительным в нём был не его непоседливый нрав, а дар, который он получил от рождения — синее пла-

мя. То самое, что горело в ладонях его тёти Линги, что передалось его кузине Мэйван. Дарен появился на свет с этим огнём внутри — он вспыхивал, когда мальчик злился, когда радовался, когда просто играл. Тристан впервые увидел это, когда Дарену исполнилось два года. Мальчик упал, ударился, и из его пальцев вырвалась тонкая, слабая, но отчётливо синяя струйка огня. Трава вокруг загорелась, и Тристан едва успел потушить её.

— Дарен будет воином, — сказал он тогда Тайре, и в его голосе звучала гордость.

Тайра вздохнула. Она знала, что этот дар опасен, что он требует контроля, что мальчика нужно учить владеть им. Но Дарену было всего два года. Он не понимал, что огонь — это не игрушка. Для него это было просто ещё одним способом играть, бегать, шалить.

— Дарен, не смей ничего поджигать! — кричала Тайра, когда видела, как в его ладонях вспыхивают синие искры.

— Я не поджигаю! — отвечал он, но улыбка его была виноватой.

Тристан с четырёх лет начал учить сына пользоваться огнём. Дарен был ещё мал, но его дар — синее пламя — проснулся рано, и отец знал: если не научить ребёнка контролировать его, огонь начнёт управлять им самим. Тренировки были каждый день — как когда-то в детстве тренировалась Линга, как тренируются все дети в клане Змей, которые рождаются с этим даром.

Кроме огня, Тристан учил Дарена держать меч. Пока деревянный, лёгкий, чтобы не навредить себе, но мальчик уже чувствовал тяжесть оружия, учился правильно стоять, делать выпады, защищаться. Он падал, вставал, снова падал, но не плакал. Тристан смотрел на него и видел себя в детстве — такого же упрямого, такого же сильного.

— Ты станешь сильным воином, — говорил он сыну.

— Да! — отвечал Дарен, сжимая меч в маленьких, но крепких руках.

Тренировки были строгими, но Тайра не вмешивалась. Она знала: так надо. Так воспитывают детей в клане Змей. Так растили её мужа. Так вырастет и её сын от Тристана. Она прекрасно помнила, как воспитывают своих мальчиков ящеры, так что тренировки в клане Змей были вполне безобидными.

А Торин стоял чуть поодаль, прислонившись к дереву, и смотрел на младших. Он был выше сверстников, шире в плечах, и в его движениях чувствовалась какая-то странная, необъяснимая сила. Тайра видела это, но не придавала значения — она всегда знала, что его кровь отличается от крови других детей. Она давала ему зелье каждое утро, и ей казалось, что этого достаточно. Что тайна надёжно спрятана.

Она не знала, что Торин уже всё узнал.

Он стоял под деревом и смотрел на мать, на Линну, на Дарена, и его лицо было спокойным, почти безмятежным. Никто не мог бы сказать, что в его голове бушует буря. Он

улыбался, когда нужно было улыбаться, помогал отцу, играл с младшими, делал вид, что ничего не изменилось. Но внутри него уже жило другое знание — тяжёлое, холодное, одинокое.

Он знал, что Тристан не его родной отец. Знал, что его настоящий отец — ящер. Знал, что зелье, которое даёт ему мать, не лекарство от слабого здоровья, а блокировка его истинной сущности.

Теперь он начал понимать то, о чём раньше не задумывался. Почему у него нет синего пламени, как у Дарена. Почему он не может затягивать раны, как Линна. Почему он не чувствует в себе той внутренней силы, которая текла в жилах его сводных брата и сестры. Раньше он спрашивал у матери, и Тайра каждый раз отвечала одно и то же: «Ты пошёл в меня, сынок. А я всего лишь травница. Не все рождаются с синим огнём или даром исцеления».

Он верил ей. Ему не в чем было её подозревать. Мать была для него самым родным человеком, самым честным, самым любящим. Зачем ей врать? Теперь он знал. Она врала не со зла. Она врала, чтобы защитить его. Чтобы он не узнал, кто он на самом деле. Чтобы он не превратился в того, кого все ненавидят.

Он решил молчать. Пока.

Тайра смотрела на сына и не видела ничего, кроме любви. Она думала, что он просто задумался, что это возрастное, что всё пройдёт. Она не подозревала, что он уже всё знает.

Что его спокойствие — это маска. Что он ждёт своего часа.

— Торин, иди завтракать! — крикнула она.

— Иду, мам, — ответил он и отлепился от дерева.

В его голосе не было ничего необычного. В его походке — тоже. Но в глубине его глаз, там, куда никто не заглядывал, горел огонь. Не синий, не драконий. Жёлтый. Тот самый, который зажигается в глазах ящеров.

Тайра не заметила. Она повернулась к Линне, поправила её выбившуюся прядь, и улыбнулась. Она была счастлива. Она ничего не знала.

Тайра смотрела на них и чувствовала, как внутри разливается тепло. Она вспомнила тот день, десять лет назад, когда всё началось.

Тайра стояла на балконе замка Чёрного Дракона, глядя на Серебряные горы. Два солнца клонились к закату, окрашивая небо в розовые и золотистые тона. Ветер трепал её тёмные волосы, и она улыбалась — впервые за долгое время.

Тайра была невысокой, но статной, с той особой, тихой грацией, которая не бросается в глаза, но запоминается надолго. Тёмные волосы, густые и длинные, она чаще всего заплетала в тугую косу, перекинутую через плечо — так удобнее было работать с травами, не отвлекаясь на непослушные пряди. Лицо её было тонким, с правильными, почти кукольными чертами: высокие скулы, небольшой прямой нос, пухлые губы, которые она в минуты волнения покусывала. Но

главное в её лице были глаза — большие, тёмные, глубокие. В них можно было утонуть. В них можно было читать, как в книге: и боль, и надежду, и ту тихую, несломленную силу, которая держала её все эти годы.

Позади неё, в тронном зале, гремел пир. Ольга и Дроган вернулись из плена. Все праздновали. Смеялись, пели, пили вино. А она вышла сюда, чтобы побыть одной. Слишком много людей. Слишком много шума. Она отвыкла за четыре года плена в логове ящеров от всего этого.

— Ты не любишь праздники? — раздался голос за спиной.

Тайра обернулась. Мужчина стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Высокий, широкоплечий, с тёмными волосами, собранными в хвост. Серебряная змея в его волосах блестела в свете уходящего дня.

— Люблю, — ответила она.

— Почему тебе тогда грустно? Вспоминаешь своих родных?

— Да, — ответила Тайра. — Не знаю, стоит мне ехать к ним или нет.

Он усмехнулся.

— Я Тристан, — сказал он, подходя ближе. — Брат Линги.

— Я знаю, — ответила она. — Я Тайра.

— Я знаю, — повторил он. — Я видел тебя. Ты та, кто помог им сбежать от Рагнара.

— Да, — сказала Тайра. — Но и я смогла убежать из этого ада только благодаря Дрогану.

Они смотрели друг на друга, и между ними повисла тишина — не тяжёлая, а странная, полная чего-то такого, чему они оба не могли дать имя.

— Если хочешь, мы могли бы поехать вместе к твоим родным, — предложил Тристан. — Ты будешь под моей защитой.

— Я подумаю, — ответила Тайра.

— Мы скоро уедем отсюда обратно в наш клан, но я буду часто приезжать сюда, теперь здесь моя сестра.

Он ушёл, а она осталась стоять на балконе, чувствуя, как сердце бьётся чаще.

Он приходил в замок всё чаще. То под видом помощи сестре, то под видом совета Дрогану. Но Тайра знала — он приходил к ней. Они гуляли по замку, разговаривали о путях, смеялись. Он рассказывал ей о своём детстве, о горах, о битвах. Она рассказывала о сыне, о травах, о том, как научилась не бояться ящеров и своего бывшего мужчины, отца Торина.

— Я тебе нравлюсь? — спросил он однажды.

Это был неожиданный вопрос, Тайра застеснялась, но ответила честно:

— Да

— Ты мне тоже, очень нравишься. Ты выйдешь за меня замуж?

— Да, — ответила она. — Выйду. А ты примешь моего сына от ящера?

— Конечно, иначе я бы не просил тебя выйти за меня замуж. Это будет наша с тобой тайна, ребёнок ни в чём не виноват.

— Я навсегда лишу его внутренней силы ящеров, — сказала Тайра. — Он будет просто травником, как и я.

Он взял её за руку, и она не отняла.

— Мы вместе сделаем всё для того, чтобы этот малыш вырос простым травником, Мы будем любить его, и он вырастит добрым и счастливым человеком.

Они поженились через месяц, после Ольги и Дрогана. Ольга и Дроган приехали на свадьбу, привезли подарки, вино, смех. Торин был маленьким — ему было два года, он бегал между гостями и не понимал, что происходит. Просто знал, что этот мужчина, который теперь будет жить с ними, пахнет лесом и почему-то очень напоминает дом.

Тристан посмотрел на мальчика и сказал:

— Теперь он только мой сын.

Тайра прижалась к мужу, она наконец-то была очень счастлива.

Они заключили брачный договор. На торжестве была только семья, только близкие. Мелинда была безумно счастлива, ещё один её ребёнок обрёл семью, Эрик молча пожал руку Тристану, а Ольга обняла Тайру и прошептала:

— Я так рада за тебя.

— Спасибо, — ответила Тайра.

В первую брачную ночь Тристан вёл Тайру в свою спальню. Он зажёл свечи, и их свет залил комнату мягким, тёплым сиянием. Тайра стояла у окна, глядя на две луны, и её руки дрожали.

— Боишься? — спросил он.

— Тебя нет, — ответила она. — Просто... вспомнила, как это было с отцом Торина.

Она замолчала. Её пальцы, лежавшие на подоконнике, дрогнули. В памяти всплыло то, что она пыталась забыть много лет. То, что случилось в логове ящеров, когда её только привезли туда, ещё девочкой, ничего не понимающей, дрожащей от страха.

Он привёл её в свой дом. Высокий, красивый, смуглый, с чёрными татуировками, которые вились по его рукам, плечам, шее. В ушах — серьги. Такие носили не все, только самые сильные воины, элита клана Ящеров.

Когда ящеры пришли в её поселение, он выбрал её. Он захватил её, используя своё дыхание, источающее яд.

Его глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками — смотрели на неё не равнодушно, а с жадностью. С такой, от которой у неё подкосились ноги. Он хотел её. Его пальцы коснулись её щеки — грубо, но не больно. Он провёл по её губам, по шее, по ключицам.

— Ты красивая, — сказал он хрипло. — И теперь ты принадлежишь мне.

Он поцеловал её. Жёстко, требовательно, впиваясь в губы. Она не отвечала. Просто стояла, застыв, не зная, что делать. Он не спрашивал разрешения. Он брал. Но он целовал её — долго, жадно, с какой-то отчаянной нежностью, которая пугала её больше, чем грубость.

Он раздел её медленно, не срывая одежду, а снимая, будто хотел запомнить каждое движение. Его руки скользили по её телу, и она вздрагивала от каждого прикосновения. Он целовал её плечи, грудь, живот, и его губы были горячими, влажными, жадными. Тайра не сопротивлялась — она понимала, что это бесполезно. Если она не подчинится, он всё равно возьмёт её, но тогда это будет грубо, и она сама причинит себе боль.

Она не знала, что чувствует. Страх? Отвращение? Или что-то ещё, чему она боялась дать имя?

Лотар — так звали её пленителя — уложил её на кровать, навис сверху. Его тело было тяжёлым, горячим, и она чувствовала, как его мужское естество давит ей на бедро.

— Смотри на меня, — приказал он.

Она подняла глаза. В его взгляде не было злости. Не было жестокости. Была страсть — такая сильная, что она почти обжигала. Он вошёл в неё резко, и она вскрикнула, вцепилась в его плечи. Он замер, давая ей привыкнуть, и снова поцеловал — нежно, почти ласково.

— Прости, — прошептал он. — Я не специально.

Он двигался медленно, сдерживая себя, и она чувствовала

ла, как трудно ему это даётся. Он сжимал кулаки, стискивал зубы, но не ускорялся. Он хотел её. Но он не хотел причинить ей боль. Она знала: это потому, что она не стала сопротивляться. Иначе всё было бы по-другому.

Потом, когда всё кончилось, он обнял её, прижал к себе, укрыл шкурой и сам заснул. А она осталась лежать. Внизу немного болело — всё-таки он был не очень осторожен. Удовольствия она не получила. Ни капли.

— Тайра, — голос Тристана вернул её в реальность. Она подняла на него глаза. В них стояли слёзы.

— Он не был жестоким, — сказала она. — Просто... он не умел иначе.

Тристан обнял её, прижал к себе, гладил по волосам.

— Я буду осторожен, — заверил он. — Я помогу тебе забыть всё, что ты пережила там.

Он подошёл к ней, обнял, прижал к себе. Его руки скользнули по её спине, по плечам, по волосам. Она чувствовала его дыхание — горячее, сбившееся. Чувствовала, как бьётся его сердце.

— Тайра, — прошептал он.

Он поцеловал её — медленно, нежно, словно боялся спугнуть. Она ответила, и её пальцы вплелись в его волосы. Он подхватил её на руки и опустил на кровать, застеленную мягкими шкурами.

— Не бойся, — прошептал он. — Я буду очень нежен.

Она закрыла глаза и позволила себе утонуть. В его руках, в его губах, в его дыхании, в его шепоте, который был только для неё. Он был нежен — таким нежным, что у неё щипало глаза, а сердце замирало в груди. Он целовал её плечи, шею, грудь, и каждое прикосновение отзывалось в ней жаром, которого она никогда не испытывала прежде. Этот жар не обжигал — он согревал изнутри, наполнял светом, обещал что-то такое, чему она ещё не знала названия.

Они стали единым целым. Медленно, сладко, словно время остановилось, чтобы не спугнуть этот миг. Мир за окном перестал существовать. Остались только они двое — он и она, их дыхание, их сердца, бьющиеся в унисон.

Когда всё кончилось, она лежала в его руках, чувствуя, как его пальцы перебирают её волосы, как его губы касаются её лба, как его тепло разливается по всему её телу.

— Я рад, что доставил тебе удовольствие, — сказал он, и в его голосе была не гордость, а тихая, искренняя нежность.

— Я тоже, — прошептала Тайра, и её голос дрожал от счастья.

Она не просто сказала это. Она светилась. Изнутри, как та самая свеча, что горела на столе, как две луны за окном, как его глаза, когда он смотрел на неё.

Она была счастлива. Впервые за долгое время — по-настоящему.

Они поселились в доме на окраине поселения клана Змей.

Тайра нравилось здесь. Тихо, спокойно, пахнет травами и хлебом.

Торин рос, не зная, что его настоящий отец — ящер. Тайра давала ему зелье каждое утро — травяной чай, который блокировал его силу. Он пил его, не спрашивая, потому что верил матери. Он не знал, что его кровь — это кровь врага. Он просто знал, что у него есть папа, который учит его держать меч, разводить костёр, не бояться темноты. И это был Тристан.

— Мам! — крикнул Дарен, вырывая Тайру из воспоминаний. — Смотри, что я нашёл!

Он бежал к ней, держа в руках пёстрое перо. Тайра улыбнулась, взяла его, погладила по голове.

— Красивое, — сказала она. — Положим в твою шкатулку?

— Да! — Дарен запрыгал.

Торин стоял поодаль и смотрел на мать. Ему было тяжело принять, что он ящер, но от этого никуда не деться. Он был рождён от ящера. Это не изменить. Это не забыть. Это останется с ним навсегда.

А за окном поднимались два солнца, и в их свете дом на окраине казался островком тишины среди бушующего мира.

Глава 3. Те, кто летают выше гор

Замок Чёрного Дракона был вырублен прямо в скале, и

ветер, вечный спутник этих мест, облизывал его каменные стены, залетал в высокие окна, гудел в каминных трубах. Два солнца поднимались над Серебряными горами, и их свет, золотисто-розовый, мягкий, заливал внутренний двор, где уже кипела жизнь.

Мэйван сидела на перилах балкона, свесив ноги вниз. Ей было десять, но она казалась старше — высокая, стройная, красивая. Она была похожа на свою тётю Зефиру: такие же большие, выразительные глаза, тёплые, с золотистыми искрами в глубине. Но волосы — каштановые, как у отца, — были заплетены во множество тонких косичек, и каждая была перехвачена маленькой серебряной нитью, которая тихо позвякивала при каждом движении. Карие глаза смотрели на мир смело и дерзко, а в их глубине, когда она злилась или радовалась, вспыхивал синий огонь — тот самый дар, что передался от матери, Линги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.